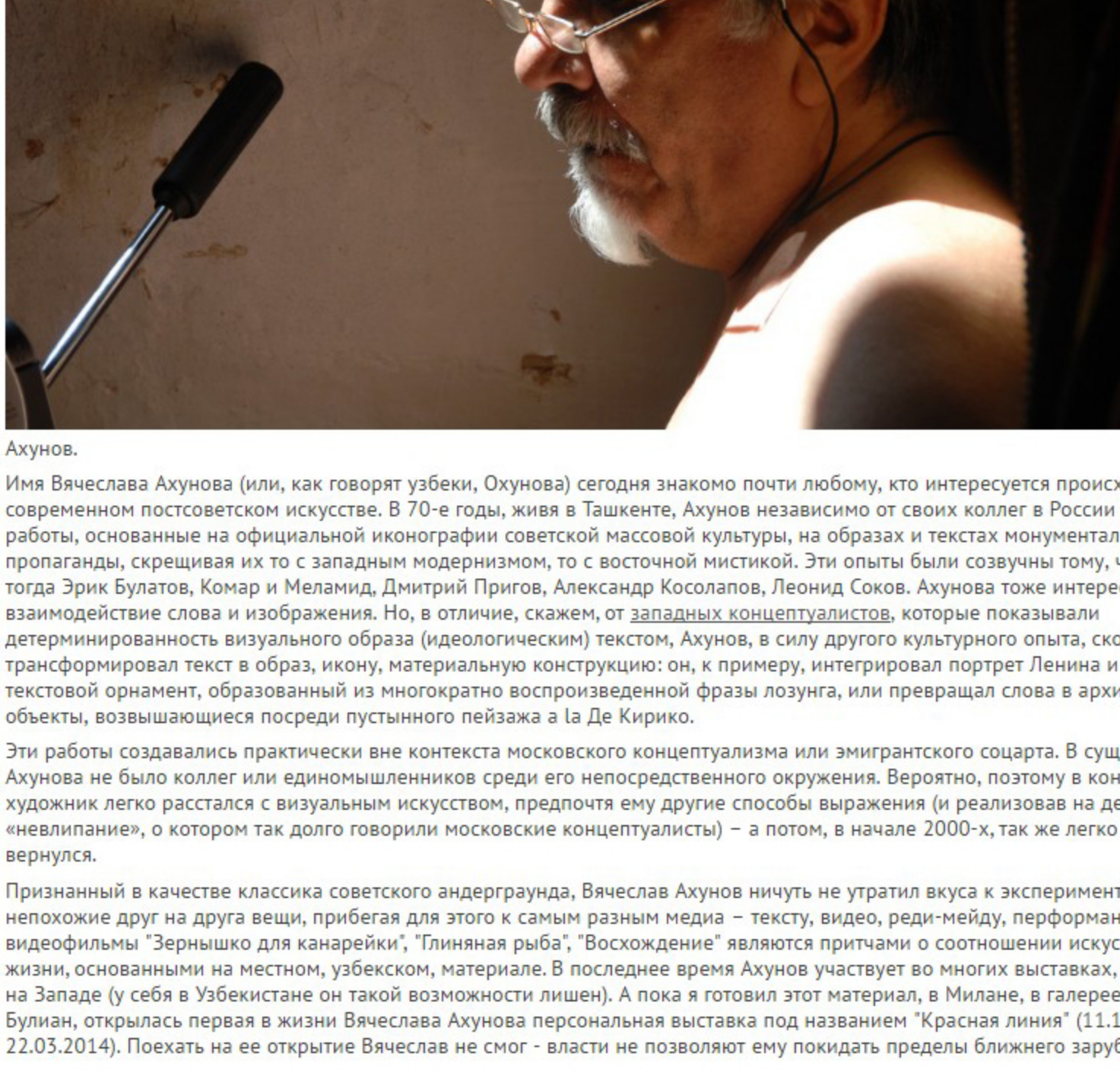

ОДИНОКИЙ РЕЙНДЖЕР CONTEMPORARY ART

Андрей Фоменко

Вчера в Милане, в галерее Лауры Булиан, открылась выставка Вячеслава Ахунова, ведущего представителя узбекской независимой арт-сцены, связавшего между собой две эпохи нонконформистского искусства – советскую и постсоветскую.

Вячеслав Ахунов.

Имя Вячеслава Ахунова (или, как говорят узбеки, Охунова) сегодня знакомо почти любому, кто интересуется происходящим в современном постсоветском искусстве. В 70-е годы, живя в Ташкенте, Ахунов независимо от своих коллег в России начал делать работы, основанные на официальной иконографии советской массовой культуры, на образах и текстах монументальной пропаганды, скрепящая их то с западным модернизмом, то с восточной мификой. Эти опыты были созвучны тому, что делали тогда Эрик Булатов, Кошар и Меламид, Дмитрий Пригов, Александр Косолов, Леонид Соков. Ахунова тоже интересовало взаимодействие слова и изображения. Но, в отличие, скажем, от западных концептуалистов, которые показывали детерминированность визуального образа (идеологическим) текстом, Ахунов, в силу другого культурного опыта, скорее трансформировал текст в образ, икону, материальную конструкцию: он, к примеру, интегрировал портрет Ленина и Сталина в текстовый орнамент, образованный из многократно воспроизведенной фразы лозунга, или превращал слова в архитектурные объекты, возвышающиеся посреди пустынного пейзажа а La De Кирико.

Эти работы создавались практически вне контекста московского концептуализма или эмигрантского соцарта. В сущности, у Ахунова не было коллег или единомышленников среди его непосредственного окружения. Вероятно, поэтому в конце 80-х годов художник легко расстался с визуальным искусством, предпочтя ему другие способы выражения (и реализовал на деле то самое «невнятные», о котором так долго говорили московские концептуалисты) – а потом, в начале 2000-х, так же легко к нему вернулся.

Признанный в качестве классика советского андерграунда, Вячеслав Ахунов ничуть не утратил вкуса к эксперименту. Он создает непохожие друг на друга вещи, прибегая для этого к самым разным медиа – тексту, видео, реди-мейду, перформансу. Его видеофильмы «Зернышко для канарейки», «Глиняная рыба», «Восхождение» являются притчами о соотношении искусства и жизни, основанными на местном, узбекском, материале. В последнее время Ахунов участвует во многих выставках, в основном в инсталляциях. Это сильно на меня повлияло. Я не называю то, что я делаю дураком, соцартом – считаю, это вообще неудачное название. Но я чувствую, что соцреализм подходит к концу, в советском искусстве в начале 70-х годов уже повелео постмодернизмом, хотя это так и не называли: такие художники, как Тая Назаренко, прибегали к коллажу, помещали в своих картинах героев XVIII века и своих современников. Мне казалось интересным соединить модернизм с соцреализмом – этим я и занялся.

Андрей Фоменко. А когда вы познакомились с работами московских концептуалистов и соцартистов – Комара и Меламиды, Булатова, Пригова и других?

Вячеслав Ахунов. Я был в мастерской у Кабакова со своими иностранными друзьями тоже где-то в середине 70-х годов. А остальных я вообще не знал. Это была закрытая секта. При этом все они были членами Союза художников, имели мастерские от Союза, получали хорошие заказы в издательствах. Вели двойную жизнь.

Андрей Фоменко. Вернувшись в Узбекистан, вы тоже вступили в Союз художников. Делая «соцмодернистские» коллажи на тему Ленинианы, продолжали ли вы работать как живописец, участвовать в отчетных выставках, выполнять официальные заказы? Или ваше членство в Союзе было сугубо формальным?

Вячеслав Ахунов. Во-первых, необходимо было состоять в Союзе художников, чтобы тебя не привлекли по 108 статье за тунеядство. А во-вторых, я с удовольствием писал Ленина – несколько раз мне удалось получить такой заказ. Я участвовал во всевозможных выставках, участвовал в выставке, посвященной Пушкину в Манеже (недавно я снова там выставился – на последней выставке). Я делал вещи не дидактически-идеологического характера, это было скорее магический реализм (мы все тогда увлеклись Марксом, его романом «Сто лет одиночества»). В Узбекистане на это смотрели сквозь пальцы, поскольку здесь никогда не было андерграунда.

Вячеслав Ахунов. С праздником первого мая. Из серии "Мантры СССР". 1978.

Андрей Фоменко. Вы родились в семье художника, окончили художественное училище во Фрунзе, потом Суриковский институт, вступили в Союз художников. Вам былаготована карьера нормального советского художника. Но вы в какой-то момент свернули с этой колее и стали делать то, что впоследствии получило название соцарта, т.е. использовать официальную советскую иконографию в пародийном, субливерсивном ключе. Что вас к этому подтолкнуло?

Вячеслав Ахунов. Меня подтолкнуло к этому посещение выставки на ВДНХ, в павильоне «Пчеловодство», в 1975 году. Это была первая разрешенная выставка неофициального искусства. В то же самое время я познакомился с работами из других стран, которые учились у нас в Суриковском институте. Они привозили литературу из-за рубежа, объясняли мне, что такое западный модернизм. Это сильно на меня повлияло. Я не называю то, что я делаю дураком, соцартом – считаю, это вообще неудачное название. Но я чувствую, что соцреализм подходит к концу, в советском искусстве в начале 70-х годов уже повелео постмодернизмом, хотя это так и не называли: такие художники, как Тая Назаренко, прибегали к коллажу, помещали в своих картинах героев XVIII века и своих современников. Мне казалось интересным соединить модернизм с соцреализмом – этим я и занялся.

Андрей Фоменко. А когда вы познакомились с работами московских концептуалистов и соцартистов – Комара и Меламиды, Булатова, Пригова и других?

Вячеслав Ахунов. Я был в мастерской у Кабакова со своими иностранными друзьями тоже где-то в середине 70-х годов. А остальных я вообще не знал. Это была закрытая секта. При этом все они были членами Союза художников, имели мастерские от Союза, получали хорошие заказы в издательствах.

Андрей Фоменко. Вернувшись в Узбекистан, вы тоже вступили в Союз художников. Делая «соцмодернистские» коллажи на тему Ленинианы, продолжали ли вы работать как живописец, участвовать в отчетных выставках, выполнять официальные заказы? Или ваше членство в Союзе было сугубо формальным?

Вячеслав Ахунов. Во-первых, необходимо было состоять в Союзе художников, чтобы тебя не привлекли по 108 статье за тунеядство. А во-вторых, я с удовольствием писал Ленина – несколько раз мне удалось получить такой заказ. Я участвовал во всевозможных выставках, участвовал в выставке, посвященной Пушкину в Манеже (недавно я снова там выставился – на последней выставке). Я делал вещи не дидактически-идеологического характера, это было скорее магический реализм (мы все тогда увлеклись Марксом, его романом «Сто лет одиночества»). В Узбекистане на это смотрели сквозь пальцы, поскольку здесь никогда не было андерграунда.

"Мантры СССР". 1979.

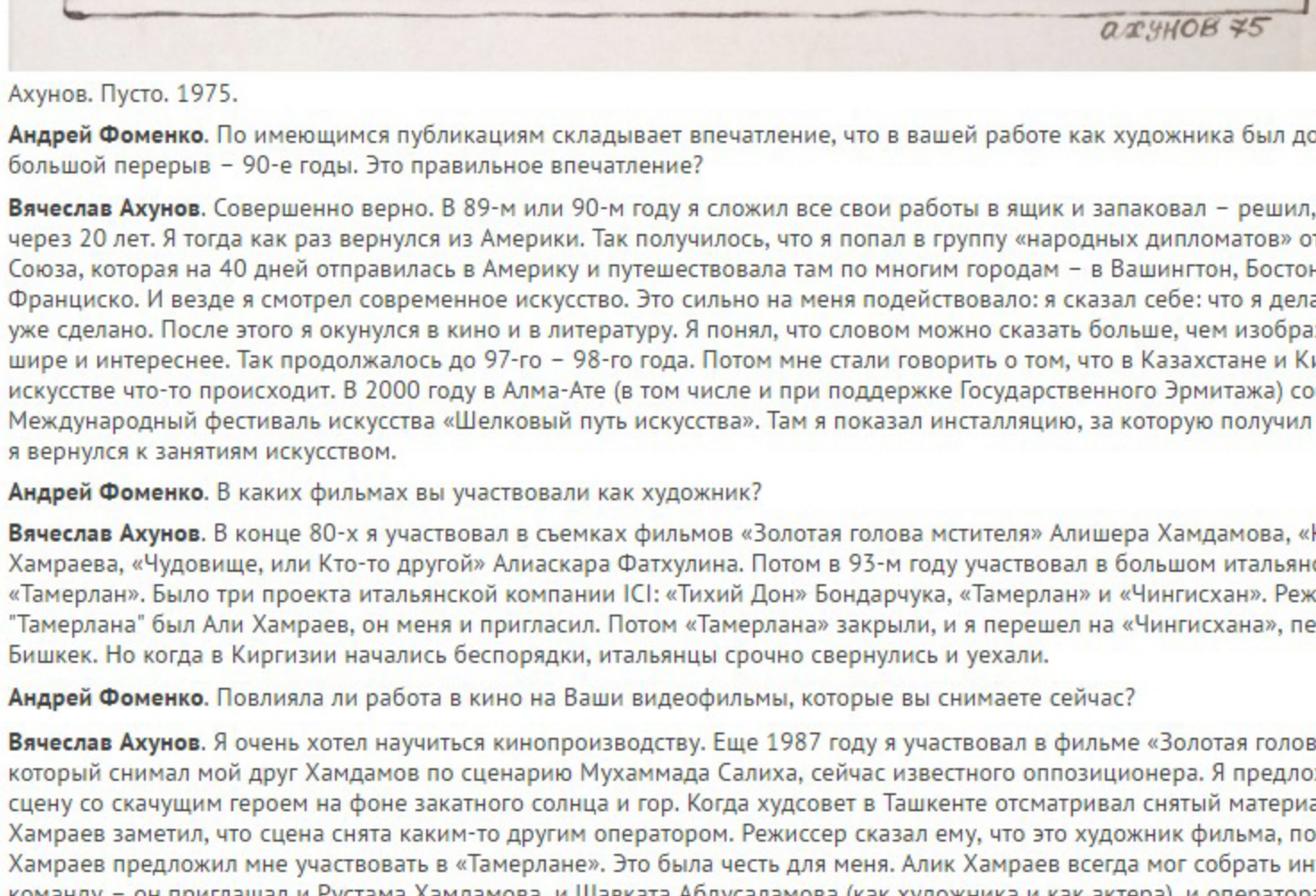
Вячеслав Ахунов. Ленин и теперь живые всех живых. Из серии "Мантры СССР". 1979.

Андрей Фоменко. Искусство не может существовать в изоляции – необходима сцена, пусть с минимальным количеством участников и минимальной аудиторией. Была ли такая сцена в Ташкенте 70-х – 80-х годов? Были ли аудитория у того, что вы делали, так сказать, неофициально?

Вячеслав Ахунов. Были друзья. Мой сосед по мастерской, Игорь Тохтаев, пытался заниматься советским сюрреализмом (он был знаком с москвичами). Я показывал свои работы друзьям, но они воспринимали это как дурачество. А так как в Ташкенте не существовало нонконформистской среды – ни художников, ни поэтов, – то это вообще мало кого интересовало.

Андрей Фоменко. Некоторые ваши работы того времени связаны с визуализацией текстуальности: текст превращается в изображение и наоборот, в объемную конструкцию или даже пространственную среду. Самые масштабные из этих проектов по понятным причинам так и остались проектами. Но впоследствии вы вернулись к идее превращения текста в изображение, в объект, в инсталляцию. Не могли бы вы сказать несколько слов об этой стратегии? Вы в большей степени вдохновлялись футуристическими опытами в области визуальной поэзии или советской монументальной пропагандой?

Вячеслав Ахунов. Меня поразили конструкции в скверах, вдоль железных и шоссеиных дорог, в горах на крышах домов – объемные бетонные слоганы «Слава КПСС», «Мы придем к победе коммунизма» и т.д. В Азии в горах выкладывали многометровые буквы из камня и красили известкой [смеется]. Это был советский лэнд-арт, хотя никто этого не понимал. Он был не в дискуссию модернизма, но он существовал. Кроме того, я увлеклся буддизмом, и ко мне из Нижне-Волгинского дацана, что под Иркутском, приехали буддийские монахи закупать пряности, из которых они изготавливали лекарства. Они привозили с собой иконы-буханки, один раз привезли бронзовый алтарь для сохранности. Они молились, и меня поразили их мантры: я понял, что мантры окружают нас со всех сторон – идеологические, советские мантры. Я связал все это вместе и назвал «советским мантризмом».

Вячеслав Ахунов. Пусто. 1975.

Андрей Фоменко. По имеющимся публикациям складывается впечатление, что в вашей работе как художника был довольно большой перерыв – 90-е годы. Это правильное впечатление?

Вячеслав Ахунов. Совершенно верно. В 89-м или 90-м году я сложил все свои работы в ящик и запакował – решил, что открою через 20 лет. Я тогда как раз вернулся из Америки. Так получилось, что я попал в группу «народных дипломатов» от Советского Союза, которая на 40 дней отправилась в Америку и путешествовала там по разным городам – в Вашингтон, Бостон, Сан-Франциско. И везде я смотрел современное искусство. Это сильно на меня повлияло: я сказал себе: что я делаю? Все давно уже сделано. После этого я уехал в кино и в литературу. Я понял, что словом можно сказать больше, чем изображением. Это шире и интереснее. Так продолжалось до 97-го – 98-го года. Потом мне стали говорить о том, что в Казанском и Киргизии в искусстве что-то происходит. В 2000 году в Алма-Ате (в том числе и при поддержке Государственного Эрмитажа) состоялся Международный фестиваль искусства «Шелковый путь искусства». Там я показал инсталляцию, за которую получил гран-при. Так я вернулся к занятиям искусством.

Андрей Фоменко. В каких фильмах вы участвовали как художник?

Вячеслав Ахунов. В конце 80-х я участвовал в съемках фильмов «Золотая голова мстителя» Алишера Хамдамова, «Кто дурак» Али Хамраева, «Чудовище, или Кто-то другой» Аляскара Фатхуллина. Потом в 93-м году участвовал в большом итальянском проекте «Тамерлана». Было три проекта итальянской компании ICI: «Тихий Дон» Бондарчука, «Тамерлан» и «Чингисхан». Режиссером «Тамерлана» был Али Хамраев, он меня и пригласил. Потом «Тамерлана» закрыли, а я перешел на «Чингисхана», переехал в Бишкек. Но когда в Киргизии начались беспорядки, итальянцы срочно свернули и уехали.

Андрей Фоменко. Повлияла ли работа в кино на Ваши видеофильмы, которые вы снимаете сейчас?

Вячеслав Ахунов. Я очень хотел научиться кинопроизводству. Еще 1987 году я участвовал в фильме «Золотая голова мстителя», который снимал мой друг Хамдамов по сценарию Мухаммада Салиха, сейчас известного оппозиционера. Я предложил снять сцену со сканущим героем на фоне закатного солнца и гор. Когда худосвет в Ташкенте не было, оператор снял эту сцену, после чего Хамраев предложил мне участвовать в «Тамерлане». Это была честь для меня. Али Хамраев всегда мог собрать интересную команду – он пригласил и Рустам Хамдамова, и Шавката Абдусулалова (как художника и как актера), и оператора Юрия Клименко. На некоторое время я увяз в мире кино. Но это был хороший урок. Например, в одном фильме я снимался в роле дерева. Там была сцена, где сумасшедшего привязывают к колесу и выбивают из него дурь. Мне это показалось неинтересным и я предложил режиссеру привязать его к вкопанной в землю лестнице – поставить в горах целый частокол лестницы. Он говорит: «Да, здорово. Ладно, ты сам придумал, сам и снимай». Я собрал 60 штук лестниц и сделал из них инсталляцию, посвященную болейшему случаю. Но это, конечно, была еще и дань знаменитой лесе Led Zeppelin. В 60-е годы я много играл в рок-группах, был гитаристом, привез в Ош бас-гитару – одну из первых. Так что я пришел в искусство из рок-и-ролла. Меня всегда влекло что-то новое. По менталитету я был западный человек.

Вячеслав Ахунов. Зернышко для канарейки. 2006.

Андрей Фоменко. Первая ваша работа, которую я увидел, – видео «Зернышко для канарейки». Как появился этот фильм?

Вячеслав Ахунов. У нас в Узбекистане очень тяжелое положение с инвалидами – они не получают практически ничего. Чтобы заработать, они ходят по базарам, играют, поют песни. Однажды я увидел на базаре группу слепых музыкантов, которые все время дежурили. Один раз, глубокой осенью, я снова их увидел и стал снимать. Никто на меня тогда не обращал внимания. Я пригласил их в ресторан, рассказал, что я делаю. Так появился первый фильм. Потом, через полгода, весной, я увидел их снова – состав был уже немного другой. А у меня уже была привычка держать при себе камеру. Я снова их снял. Но это было уже опасно: на меня налетали, пытались выхватить камеру – думали, какой-то иностранец снимает ишкенскую жизнь Узбекистана. Потом мы пошли с ними в чайхану – там я снял, как они считают деньги. Так я подружился с ними. Выяснилось, что они тоже из Ферганской долины, как и я.

Андрей Фоменко. О чем та песня, которую они поют?

Вячеслав Ахунов. Это старинная суфийская песня, там поется: «Ты, любимая, забрала мои глаза».

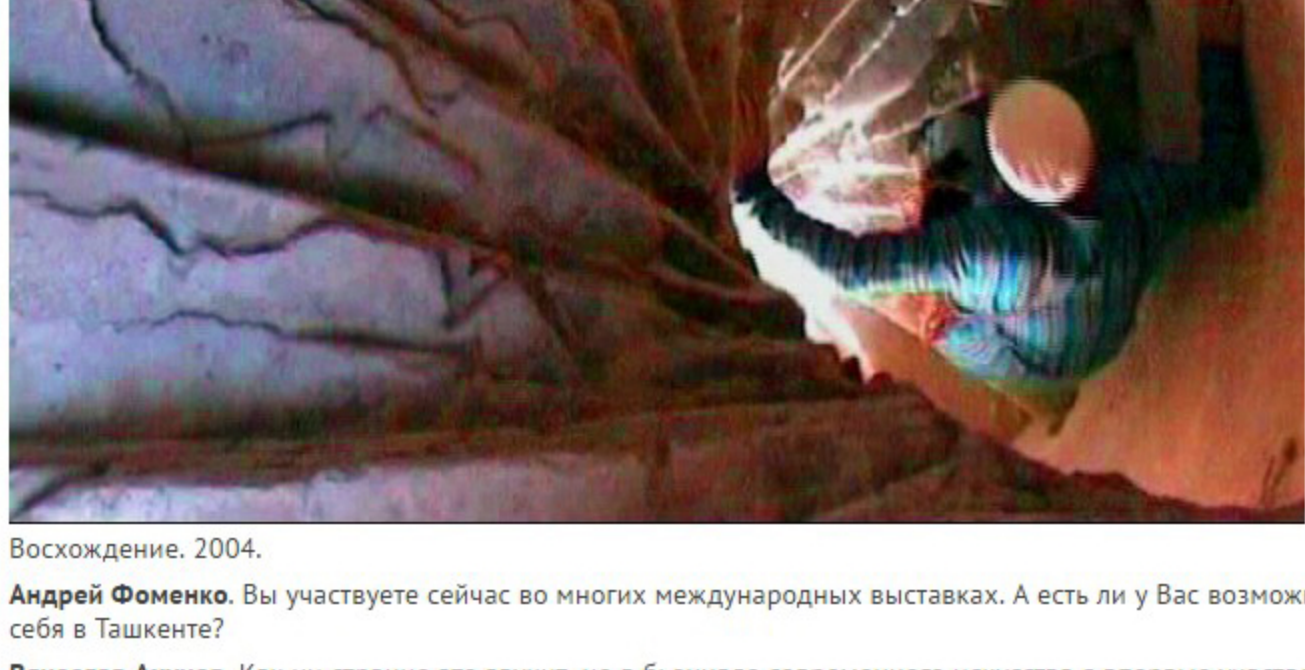
Андрей Фоменко. В большинстве ваших фильмов присутствует какой-то этнографический, «ориенталистский» материал. Исключением является фильм «Глиняная рыба» – своего рода притча о силе искусства, о Пигмалионе и Галатее. Расскажите об этой работе.

Вячеслав Ахунов. Как известно, буддизм из Индии проник в Среднюю Азию через Афганистан, через Киргизию, юг Узбекистана. Я интересовался буддизмом и услышал буддийское песно, где много описано, много глиняных фигур, но не глиняных статуэток, а глиняный будда не перейдет реку». Сначала я делал глиняные скульптуры Ленина и размывал их, но это показалось мне слишком прямолинейным. А я как раз побывал в Нурате [Нурата – горный районный центр в составе Навоийнской области Узбекистана] и увидел там огромный священный родник и в нем несметное количество рыб. Подобные родники и мушльманским культам рыб. Я рассказал эту идею Сергею Тынчине. Мы вместе с ним и с Ерболом Мельдибековым поехали в Самарканд и бухару, а потом и в Нурату, где сняли этот фильм. Глиняные рыбы размываются, и из них вырастают огромные рыбы разных племя, как от Адама и Евы.

Вячеслав Ахунов, Сергей Тынчина. Глиняная рыба. 2004.

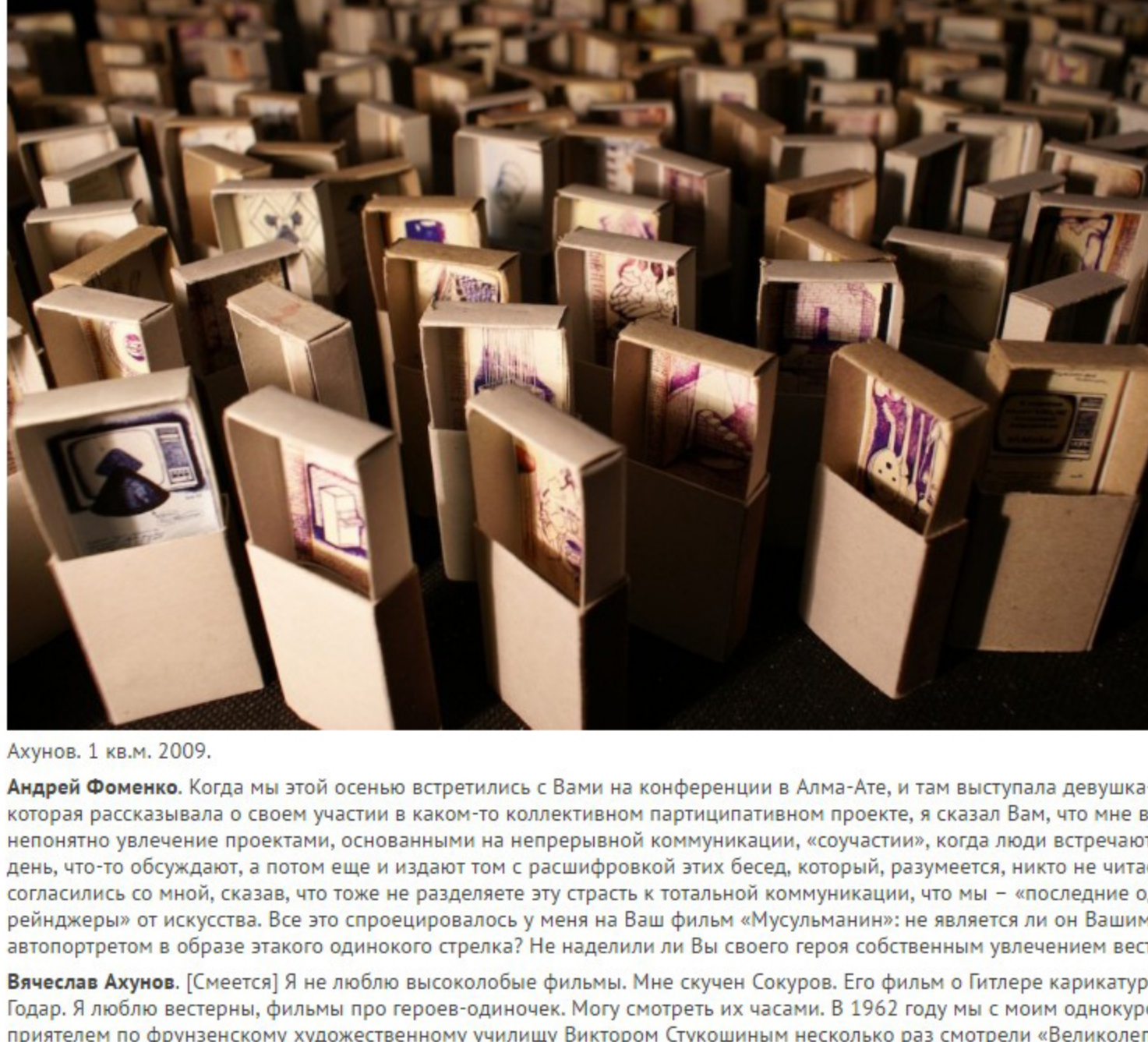
Я тогда одновременно работал над тремя фильмами. Второй из них – «Угол». Сергей позировал, стоя в углу, а я снимал. Это символ того состояния, в котором находятся и искусство, и философия, и политика, и общество: вы не можете найти выход, постоянно оказываясь в каком-то тупиковом пространстве. Потом из этого вышел другой фильм – «Тупик», который я снял возле своего дома. В нем люди ходят и не могут найти выход из лабиринта старого города. А третий фильм называется «Восхождение»: человек долго-долго поднимается на минарет, потом открывает сумку, и все думают, что он будет пить азан [в исламе призывает к молитве, который читает, а точнее поет, муэдзин] – а он достает оттуда компьютер, открывает его и видит, как он снова идет вверх. Возможно, это первый случай в истории кино, когда человек смотрит на себя в экране снова и снова – и это происходит бесконечно. Этот фильм обездвижил многие страны. В 2008 году в Париже, в Центре Жоржа Помпиду проходила огромная выставка «Следы сакрального». На ее организацию дали деньги две страны – Франция и Германия. Она полгода демонстрировалась в Помпиду и полгода в Мюнхенском музее. Там показывали этот фильм. Бита Мизано увидела его и написала мне: «Поздравляю тебя с мюзийным признанием». Потом был проект «35». Его история такая: когда-то в Лондоне собрались 35 кураторов из разных стран – Обрист, Мизано и другие, которые тогда были неизвестны. А через 25 лет они встретились там же и решили сделать общий проект: каждый куратор выдвигает любимый видеофильм, но художника не из своей страны. Например, группа лондес кураторов из Хорватии (WHW – What, How & for Whom) выбрала фильм группы «Что делать», а Виктор Мизано – «Восхождение».

Вячеслав Ахунов. Восхождение. 2004.

Андрей Фоменко. Вы участвуете сейчас во многих международных выставках. А есть ли у Вас возможность показывать работы у себя в Ташкенте?

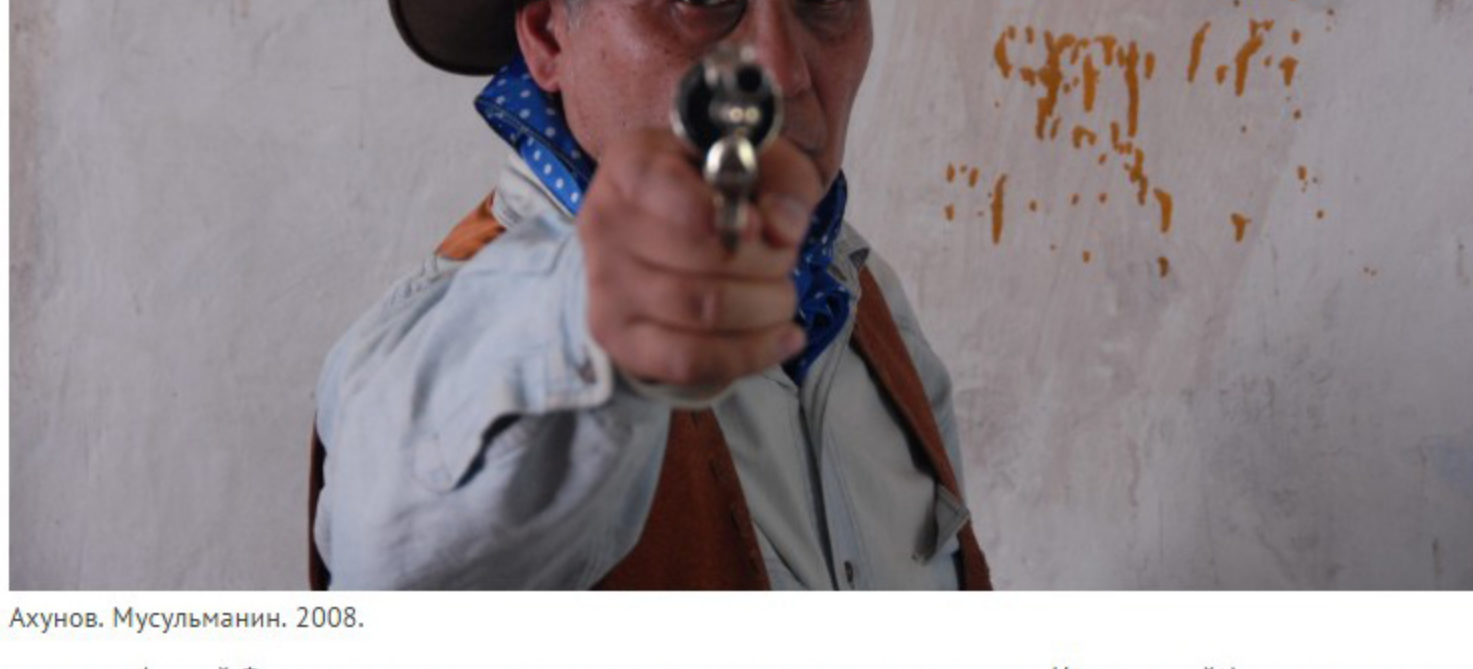
Вячеслав Ахунов. Как ни странно это звучит, но в биеннале современного искусства я контрпункт участвовал в 1987 году – в Дакке [Бангладеш]. Это проходила огромная Биеннале современного искусства азиатского континента. А здесь в Узбекистане у меня сейчас нет возможности выставляться. Для власти я фигура приносящая, а так как у нас нет частных галерей и независимых площадок – все они под контролем государства, – то меня туда приглашать боялся. Куратора Нигору Ахмедову, которая рисковала показать мою инсталляцию со спичечными коробками под названием «Один квадратный метр», лишили должности директора Ташкентской биеннале. А сейчас эта работа находится в экспозиции музея в Антверпене. Поэтому я выставляю партизанским образом: делаю выставку, посвященную Ленину, в своей мастерской. Или звоню друзьям, мы приходим в кафе, я выставляю работы на подоконнике, мы садимся, заказываем кофе, обсуждаем работы, через час все собираем и уходим.

Вячеслав Ахунов. 1 кв.м. 2009.

Андрей Фоменко. Когда мы этой осенью встретились с Вами на конференции в Алма-Ате, и там выступала девушка-немка, которая рассказывала о своем участии в каком-то коллективном партизанском проекте, я сказал Вам, что мне всегда было непонятно увлечение проектами, основанными на непервой коммуникации, «соучастия», когда люди встречаются каждый день, что-то обсуждают, а потом еще и издают том с расшифровкой этих бесед, который, разумеется, никто не читает. Вы согласились со мной, сказав, что тоже не разделяете эту страсть к тотальной коммуникации, что мы – последние одинокие рейнджеры искусства. Все это спроецировалось у меня на Ваш фильм «Мушльманинна» – является ли он Вашим автопортретом в образе этого одинокого стрелка? Не наделили ли Вы своего героя собственным увлечением вестернами?

Вячеслав Ахунов. [Смеется] Я не люблю высокотехнологичные фильмы. Мне скучен Сокуров. Его фильм о Гитлере карикатурен. Скучен Годар. Я люблю вестерны, фильмы про героев-одиночек. Могу смотреть их часами. В 1962 году мы с моим одноклассником и приятелем по фрунзенскому художественному училищу Виктором Стукопиным несколько раз смотрели «Мушльманинна» и готовили полтора года, потому что не мог найти режиссера. Я купил и носил в сумке, еще и посылал! Револювер я потом купил в Гуме – детский. В главной роли снялся мой друг, Бахадур Мусаев, неуступный оппозиционер, которому тогда не дают права выезжать за границу. Это фильм о раздвоенной идентичности: мушльманинна вынужден прятаться от своих сородичей и заниматься любимым делом [смеется]. Так что вы правы: фильм о мушльманине действительно автобиографический.

Вячеслав Ахунов. Мушльманин. 2008.